

НАТАЛЬЯ
Александрова

НАТАЛЬЯ
Александрова

Птица
в прачете

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 46

Оформление *Евгении Аленушкиной*
(Иронический детектив)

Оформление *Ксении Щербаковой* (Следствие ведут...)

Иллюстрация *Оксаны Мосаловой* (*Мошомедве*)

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Ранее книга выходила под названием
«Змеиный поцелуй»

Александрова, Наталья.

А 46 Птица в полете : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-088928-0 (Иронический детектив)

ISBN 978-5-17-088938-9 (Следствие ведут...)

Надежда Николаевна Лебедева, приличная женщина средних лет, имела необычное хобби. Она не вышивала крестиком, не делала искусственные цветы, не занималась медитативным бегом и не собирала пробки от бутылок. Надежда Лебедева обожала расследовать всевозможные криминальные истории. А причиной всему было неистребимое женское любопытство!

Вот и на этот раз оно возобладало над разумом и сыграло с госпожой Лебедевой злую шутку. К Надежде за помощью обратилась дочь ее давней соперницы. Правда, выглядела девица весьма подозрительно и смахивала на самозванку, к тому же бывшая ревность напомнила о себе, но, влекомая неумным любопытством, Надежда опрометчиво пообещала свое содействие и угодила в нешуточную передрагу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088928-0 (Иронический детектив)
ISBN 978-5-17-088938-9 (Следствие ведут...)

© Александрова Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Дежурная по этажу, румяная круглолицая бабенка лет тридцати пяти, еще раз постучала в дверь сорок шестого номера. Оглянувшись на сотрудников милиции, она вполголоса проговорила:

— Я могу открыть своим ключом.

Худой высокий мужчина с красными от недосыпа глазами покачал головой и попросил:

— Ну, еще попробуйте.

И в это время дверь номера распахнулась.

На пороге стояла молодая женщина, можно сказать — девушка, с растрепанными темными волосами. Кутаясь в бордовый махровый халат и отчаянно зевая, она удивленно уставилась на незваных гостей:

— Что случилось?

— Березкина Елена Борисовна — ваша знакомая? — спросил невыспавшийся мужчина, осторожно отодвигая дежурную и одновременно протягивая раскрытую книжечку служебного удостоверения.

— Что случилось? — повторила девушка, резко побледнев. Ее темные глаза расширились, в них заколыхалась паника.

— В окно выбросилась подруга ваша, — проговорила дежурная из-за плеча милиционера, — насмерть...

— Вы это зачем? — страшным голосом оборвал ее мужчина. — Что за...

Он замолчал, увидев, как девушка в халате беззвучно сползает вдоль притолоки, и кинулся подхватить ее.

Темные глаза закатились, тело безвольно обвисло на руках милиционера.

— Что вы натворили? — прошипел он дежурной, осторожно запахивая разошедшиеся полы бордового халата и перенося бесчувственное тело на кровать. — Есть у вас что-нибудь... ну, нашатырь, что ли...

— Не хотела я... — забормотала дежурная, оправдываясь, — кто ее знал, что она такая нервная...

В дверях номера появилась женщина средних лет в белом халате. Наклонившись над девушкой, она приподняла ее веко, оглянулась и решительно заявила:

— Ну-ка, все быстро вышли отсюда!

— У нас есть к ней несколько вопросов, — проговорил милиционер.

— Подождете! — прикрикнула суровая фельдшерница. — С ней все в порядке, но нужен абсолютный покой! Через два-три часа можете поговорить, только никаких стрессов!

Она поднесла к лицу девушки ватный тампон, смоченный остро пахнущей жидкостью. Девушка вздрогнула, дернулась, открыла глаза.

— Я сказала — все вон! — прошипела фельдшерница, обернувшись, и номер в мгновение ока опустел.

— Ты полежи, полежи! — Женщина ласково обтерла бледный, покрытый испариной лоб, поднялась и пошла к двери. — Я к тебе через час еще зайду, проведу.

Как только дверь номера за ней закрылась, девушка отбросила одеяло, села на кровати. Голова немного кружилась, но это не страшно, это пройдет.

Она встала, подошла к окну.

Поросшие соснами сопки тянулись до горизонта, а ближе к зданию, под самыми окнами, бежала узкая быстрая речка в крутых каменистых берегах. Там, на камнях, лежало что-то темное, бесформенное, и вокруг этого страшного предмета суетились люди, казавшиеся сверху такими маленькими...

Перед глазами снова поплыли цветные пятна, но девушка взяла себя в руки. Она не может сейчас снова упасть в обморок. Не может позволить себе такую роскошь. У нее слишком мало времени. Что сказала эта женщина в белом халате? Что она придет через час...

Девушка бросилась к постели, собрала свою одежду, торопливо натянула джинсы, футболку, тонкий свитер. Огляделась, увидела темную дорожную сумку, вытряхнула на кровать ее содержимое.

Пара кофточек, пакет с бельем, косметичка... Вот он! Билет на поезд Зауральск — Санкт-

Петербург... вот паспорт... денег немного, но ей должно хватить... это выход, это единственный выход! Поезд останавливается на станции Золотая речка всего на две минуты...

Девушка подхватила сумку, выглянула в коридор.

Там было пусто, только раздавался громкий радостный голос из радиоприемника, рекомендовавший новую зубную пасту.

Она выскользнула в коридор, закрыла за собой дверь, бросилась к лестнице. Но в это время снизу донеслись быстрые шаги нескольких человек, вполголоса переговаривающихся между собой.

Девушка кинулась назад, заметалась в растерянности, подбежала к лифту, но тут же испуганно попятилась. Она побежала по коридору, растерянно оглядываясь по сторонам.

Голоса поднимающихся по лестнице людей становились все громче, все слышнее, еще немного, и они увидят ее...

Коридор заканчивался хлипкой застекленной дверью. Стекло, густо замазанное белой краской, не позволяло разглядеть, что за этой дверью, но это безусловно не был один из номеров. Девушка нажала на ручку, толкнула дверь... и та послушно распахнулась. За ней была прилепившаяся снаружи к стене дома металлическая площадка и убегающая вниз пожарная лестница.

Времени на раздумья не было. Плотно закрыв дверь, девушка бросилась вниз. Железные сту-

пени пожарной лестницы предательски гремели под ногами.

Спустившись на несколько пролетов, она посмотрела вниз и увидела выбегающего из-за угла дома широкоплечего темноволосого мужчину. Испуганно ахнув, она дернула дверь, мимо которой в это время проходила, и оказалась в огромной кухне пансионата, точнее, как ее называли здесь по советской еще традиции, в пищеблоке.

Повар в высоком крахмальном колпаке пробовал что-то из огромной кастрюли. Увидев в своих владениях постороннюю, он рявкнул пиратским басом:

— Куда?

Девушка пробежала мимо него, снова выскочила в коридор — на этот раз, если она не просчиталась, второго этажа. До лестницы было всего несколько метров, но там спиной к ней стояли двое мужчин.

Беглянка рванула дверь, оказавшуюся рядом с ней, юркнула в темный душный чулан и бесшумно закрыла дверь за собой. Кладовка была чуть больше телефонной будки, в ней хранили ведра, швабры и прочий нехитрый инвентарь.

Сжавшись в уголке, она старалась не дышать. Сердце стучало, как барабан, казалось, что его стук слышен сквозь тонкую дверь...

Глаза постепенно привыкли к темноте, и внезапно девушка увидела, что она не одна в этом чулане. В другом углу скорчилась еще одна женская фигура.

— Эй, ты кто? — прошептала девушка, когда прошло несколько минут, но ее соседка не издала ни звука.

Не дождавшись ответа, она придвинулась к ней, вгляделась... и зажала себе рот, чтобы не закричать от страха.

Это была та самая дежурная по этажу, которая меньше часа назад пришла к ней в номер с милицией, чтобы сообщить ужасную новость. Только сейчас ее круглое румяное лицо стало белым как мел, а широко открытые глаза смотрели прямо перед собой безо всякого выражения.

Дежурная была мертва.

Кто-то убил ее и затолкал в эту кладовку, чтобы труп не обнаружили раньше времени.

Девушка с трудом преодолела накотившее на нее головокружение, несколько раз глубоко вздохнула, стараясь не глядеть на труп, и решительно распахнула дверь. Будь что будет, но больше находиться в одном чулане с покойницей она не может.

К счастью, на этот раз путь был свободен.

Она добежала до лестницы метры, скатилась по ступеням, вылетела в холл пансионата.

Возле стойки женщина с маленьким ребенком разговаривала с портье. Ребенок громко хныкал, что-то требуя, и оба взрослых — мать и служащий пансионата — пытались перекричать его и разобрататься в каком-то своем вопросе. Поэтому они не заметили пробежавшую мимо них растрепанную, перепуганную девушку.

Выбежав на улицу, она огляделась по сторонам, нырнула за густые кусты и короткими перебежками устремилась прочь от здания.

Только вчера она гуляла здесь с подругой и хорошо запомнила широкую, усыпанную хвоей тропинку, по которой добраться до станции можно было гораздо быстрее, чем по шоссе.

Пригибаясь и то и дело оглядываясь, она пропустила вперед.

До поезда оставалось больше часа, а дорога до станции — всего километра полтора, но ей хотелось скорее удалиться от пансионата, где она чувствовала себя затравленным зверем.

Тропинка привела ее прямо к платформе. Невысокое унылое кирпичное здание, в котором помещались кассы и вечно пустующий буфет, стояло чуть поодаль.

По платформе прохаживался тщедушный дедок в кирзовых сапогах, ватнике и кепке с надписью на английском: «Я люблю Нью-Йорк».

Девушка перевела дыхание, еще раз оглянулась и решила на всякий случай пока не подниматься на платформу, где она была бы слишком на виду.

Только когда из-за поворота выплыл зеленый пассажирский поезд, сбросил скорость и остановился, она взбежала по ступенькам платформы и подошла к открытой двери вагона.

Проводница, унылая тетка средних лет с усталым недовольным лицом, препиралась с дедом, который просил подвезти его до ближайшей

станции. Девушка протянула ей билет. Проводница по привычке начала ворчать, что билет от Зауральска, и там надо было садиться, а то она, проводница, вполне могла пустить на ее место другого пассажира, потом потребовала паспорт, лениво пролистала его и пустила-таки в купе. Девушка поздоровалась с соседями, попросила у проводницы чаю и забилась в уголок, глядя в окно на медленно уплывающие вдаль заросшие соснами сопки.

— **Нет**, нет и нет! — выкрикнула Надежда и отошла от мужа к окну, сердито блестя глазами. — Я категорически возражаю!

— Но, Надя, послушай...

— И слушать больше ничего не хочу! — Надежда отвернулась, схватила с подоконника невесть как оказавшуюся там шариковую ручку и принялась яростно вертеть ее в руках.

Это ее не успокоило, тогда Надежда прижалась лбом к стеклу и с тоской наблюдала, как с той стороны текут по стеклу крупные капли дождя.

Ее положение было ужасно. То есть не то чтобы ужасно, но совершенно нетерпимо. Начать с того, что в июне НИИ, где много лет работала Надежда Николаевна Лебедева, выражаясь по-простому, приказал долго жить. То есть этот НИИ и раньше-то не больно преуспевал из-за директора, который, будучи в пенсионном возрасте, не желал вводить никаких новшеств и ис-

кать перспективные заказы, все уже как-то привыкли к такому положению вещей и роптали не сильно. Но в июне старого директора наконец-то удалось «уйти на пенсию». Бурного ликования коллектива НИИ хватило на три дня, потому что новый директор начал свою трудовую деятельность с того, что мигом уволил из института всех сотрудников женского пола старше сорока пяти лет, а таких как раз и было в НИИ больше всего, учитывая его незавидное положение и маленькие оклады. Жаловаться было некуда и некому, поскольку формально института больше не существовало, он реорганизовывался и распадался на несколько более мелких фирм.

Непосредственный начальник Надежды Николаевны зазвал ее к себе в кабинет и в приватной беседе страшно извинялся. Он говорил, конечно, что сотрудник сотруднику рознь, и что сам лично он Надеждой очень доволен и для инженера с ее опытом и квалификацией работа всегда найдется. И он, начальник, обязательно ей эту работу предоставит, только потом, когда все утрясется. Так что следует немного подождать, а к осени или, на самый крайний случай, к зиме все будет в порядке, только не нужно пока никому про это рассказывать, чтобы не вызвать нездоровых разговоров.

Выслушав все это, Надежда оскорбилась и подала заявление об уходе, как все.

Самое ужасное заключалось в том, что муж Надежды Сан Саныч, вместо того чтобы утешить

ее в трудную минуту, обрадовался происшедшему до чрезвычайности.

Муж у Надежды был второй, они прожили вместе восемь лет, так что ясно было, что брак этот крепкий и ни о ком другом Надежда и не мечтала. Но все же, когда муж, выслушав ее гневный монолог по поводу отвратительного поведения нового директора, заявил, что все просто замечательно, что он давно этого хотел, Надежда обиделась.

Этой весной в жизни Надежды Николаевны случилось очень неприятное событие — ей исполнилось пятьдесят лет. И хотя событие это было весьма предсказуемо, то есть всем ведь ясно, что после сорока девяти рано или поздно, но все же последует пятьдесят, Надежда очень переживала. Разумеется, она никому об этом не говорила, кроме близкой подруги Алки Тимофеевой, которая вполне понимала Надежду, поскольку самой ей исполнялось пятьдесят летом.

Муж заявил, что Надежде давно пора отдохнуть и заняться своим здоровьем. Надежда обиделась еще больше — она не старуха, чтобы просиживать дни в районной поликлинике, ругаясь со старухами в очереди. Муж кротко возразил, что он совсем не это имел в виду — он достаточно зарабатывает, чтобы его жена могла посещать косметолога и массажиста и совершенно ни к чему приплетать тут районную поликлинику. Муж Надежды и вправду, несмотря на весьма зрелый возраст — ему было пятьдесят пять, год назад

устроился работать в солидную компьютерную фирму и зарабатывал теперь достаточно, чтобы бросить свои многочисленные халтуры.

Где-то в глубине души Надежда признавала, что муж прав, но от этой мысли она окончательно озверела. Был скандал, потом Надежда вздыхала и дулась, после чего усовестилась и решила заняться своими семейными обязанностями. В самом деле: у нее муж, за которым следует ухаживать, кот Бейсик замечательной рыжей масти с белыми манишкой и лапами, который тоже требует внимания. Еще у Надежды есть мать-пенсионерка, которую никак нельзя назвать старушкой, хотя ей уже за семьдесят. Мать сильна духом и весьма бодра телом (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!), но все же годы берут свое, так что Надежда вполне может подольше пожить с ней на даче, чтобы делать там всю тяжелую работу в саду и огороде. И наконец, летом приедут в отпуск дочка Алена с мужем и Светланкой, Надеждиной внучкой. Дочь Надежды замужем за военным моряком и живет в далеком городе Северодвинске, так что видятся они не часто. А теперь, когда у Надежды свободно лето, можно оставить Светланку подольше и всем вместе пожить на даче.

Словом, Надежда почти примирилась с переменами в своей жизни, но злодейка-судьба внесла свои коррективы.

Начать с того, что лето в этом году выдалось отвратительным. Целыми неделями шел дождь, жители Санкт-Петербурга размокли, как губ-